

Евгений Маурин

Пастушка королевского двора

Евгений Маурин

Пастушка королевского двора

«Public Domain»

1914

Маурин Е. И.

Пастушка королевского двора / Е. И. Маурин — «Public Domain»,
1914

«На безоблачном, смеющемся небе светило яркое солнце. Улицы благословенного города Божанси уже наполнялись празднично разодетой толпой, степенно следовавшей призыву церковного колокола, все окна домов были дружелюбно раскрыты навстречу ароматному весеннему утру, и только серый прямоугольник ставней, угрюмо прикрывавших одно из окон приречной гостиницы «Золотой осел», вносил дисгармонию в общую картину радостного пробуждения...»

Содержание

II[1]	5
II	8
III	12
IV	20
V	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Евгений Маурин

Пастушка королевского двора

I¹

На безоблачном, смеющемся небе светило яркое солнце. Улицы благословенного города Божанси² уже наполнялись празднично разодетой толпой, степенно следовавшей призыву церковного колокола, все окна домов были дружелюбно раскрыты навстречу ароматному весеннему утру, и только серый прямоугольник ставней, угрюмо прикрывавших одно из окон приречной гостиницы «Золотой осел», вносил дисгармонию в общую картину радостного пробуждения.

Должно быть, эти ставни привлекли собой любопытство одного из шаловливых сынов солнца – маленького, но юркого луча. Несколько раз пытливо скользнув по дереву ставней, луч наконец набрел на дырочку – след выпавшего сучка – и поспешно юркнул в комнату, повиснув в ней узенькой золотистой дорожкой, в которой весело заплясали ожившие в солнечной ласке пылинки.

От этой золотой полоски полумрак комнаты слегка просветлел, и ясно вырисовалась незатейливая обстановка номера захолустной провинциальной гостиницы с простым столом, несколькими стульями и большой деревянной кроватью, на белых простынях которой выделялась безмятежно спавшая женская фигура.

К этой то фигуре и устремился проказник-луч. Он легкомысленно скользил по маленьким, полным белым рукам с тонкими синими прожилками, блеснул искорками на иссиня-черных, слегка выющихся волосах, капризными прядями разметававшихся по небольшой, но красивой и крепкой юной груди, на ходу мимолетно лобызнул прелестную родинку, которая, словно букашка, приютилась под гостеприимным кровом немного отвисшей пухлой нижней губы, прокатился вдоль благородно изогнувшегося аристократическим горбом остренького носика и сделал попытку заглянуть под низко опущенные веки спящей. Если целью этого проказливого луча было разбудить заспавшуюся ленивцу, то теперь он добился своего, потому что веки задрожали, пальцы рук спавшей зашевелились, и вдруг востроносенькая барышня одним прыжком привскочила, а затем уселась на кровати, с недоумением озираясь по сторонам еще заспанными, но все же быстрыми, веселыми карими глазками.

Мало-помалу память, расплывшаяся в крепком сне, вернулась к девушке, и тогда она обратила внимание на солнечный луч, свидетельствующий, что дневное светило уже прошло значительную часть своего пути вверх по небосводу. Это открытие вызвало у хорошенькой ленивицы взрыв звонкого смеха, который делал ее, и без того напоминавшую красивенькую птичку, похожей на голосистого жаворонка.

– Однако! – воскликнула она, вдвигая крошечные голенькие ножки в стоявшие у кровати туфли. – Вот так заспалась я! Но, как ни жестко это убогое ложе, оно показалось мне райским при той смертельной усталости, которая явилась наградой за вчерашнее молодечество. – Она лениво потянулась, зевнула и продолжала: – Ой-ой, до сих пор кости ломит, и я с удовольствием вернулась бы обратно в кровать и поспала бы еще добрый часочек, если бы... если бы мне не было совестно валяться так долго... Да, да, – с капризным задором обратилась она к своему отражению, показавшемуся в небольшом зеркале, у которого она теперь очутилась, – представь

¹ Начало событий, развитых в настоящем романе, изложено в произведении того же автора «Шах королеве».

² Очень древний городок, расположенный на высоком правом берегу Луары, между Блуа и Орлеаном, в двадцати пяти верстах от последнего.

себе, мой уважаемый двойник, что и Беатрисе Перигор иногда бывает чего-нибудь совестно... правда, чуть-чуть, самую малость... и она никому этого не показываете, но... бывает, бывает, бывает!

При последних словах шаловливая Беатриса взялась двумя пальцами за подол рубашки, изящным жестом прирожденной аристократки оттянула его, словно юбку бального платья, и стала грациозно приседать в такт своему «бывает, бывает». Но тут же она снова рассыпалась звонким, серебристым смехом, показала своему изображению язык и порхнула к окну. Под усилиями ее быстрых рук ставни распахнулись, окно раскрылось, и в комнату ворвались свет и воздух.

Осторожно пригнувшись к окну, чтобы не высунуться в таком легкомысленном туалете перед каким-нибудь случайным прохожим, Беатриса жадно вдохнула воздух, напоенный ароматом первых весенних цветов, и при виде Луары, широко катившей свои серовато-голубые волны у заросшего зеленью берега, на ее губах показалась радостная улыбка.

Однако эта улыбка тут же сбежала с лица Беатрисы, которое сразу стало серьезным и озабоченными.

– Бедный Тибо! – пробормотала она. – Старикашка совсем ослаб! И надо же было мне закапризничать и отказаться остановиться в Мере! Я хотела доказать свое молодечество и неутомимость и... чуть не уморила моего старенького, верного Тибо! Господи, какой несчастный вид был у него, когда вчера его пришлось снимать с седла и на руках нести в комнату!

Ну да, наверное, сегодня он уже оправился и после обеда можно будет тронуться в путь!

Беатриса оглянулась по комнате и подошла к углу где в тянувшемся от пола до потолка борове виднелась небольшая дверка. Вчера, когда краснощекая Серафина отвела Беатрису в эту комнату, она на вопрос проезжей, каким образом позвать в случае нужды прислугу, указала на эту отдушину. Боров, видневшийся в углу, шел от кухонного очага, находившегося в нижней, общей, комнате гостиницы. Играл ли тут роль надочажный колпак или в самом канале борова была какая-нибудь случайная особенность, обуславливавшая акустически каприз, но только дымоход являлся отличной разговорной трубой: достаточно было открыть отдушину и погромче крикнуть в трубу, чтобы Серафина, вечно возившаяся у очага, услышала призыв.

Теперь Беатриса убедилась, что боров действительно великолепно справляется со своей косвенной обязанностью, потому что стоило ей один раз крикнуть в отдушину: «Серафина», – как в ответ послышалось грубоватое: «Иду!» – и через несколько секунд лестница тяжело затрещала под массивными стопами высокой, плотной орлеанезки.

– Ну, что мой слуга? – озабоченно опросила Беатриса вошедшую.

– Ой, барышня, плох совсем старикашка! – ответила Серафина. – Вчера мы с хозяйкой его, словно малое дитя, уложили в постель, а сегодня он и двинуться не может! Уж утром хозяйка напоила его горячим вином с кореньями, и старичку...

– Стало лучше? Не сомневаюсь, потому что моему Тибо вино всегда помогает, даже... без кореньев! Но скажи, милая, он жаловался на что-либо? Или это – просто усталость?

– Надо полагать, что усталость и больше ничего! Да ведь и то сказать – в один день отмахать в седле почти пятнадцать лье! Да ведь это и солдату впору, а не то что такой молоденькой барышне со стариком! Ну, да старик-то крепенький, и достаточно ему будет отлежаться дня два...

– Дня два! – с ужасом подхватила Беатриса. – Милая Серафина, ты мне ужасно нравишься, но за эти слова я от души желаю... типун тебе на язык! Два дня, когда я рвусь вперед и хотела бы поехать сегодня же! Но ведь я высохну со скуки в этом ужасном гнезде!

– Напрасно обижаете, барышня, – с легкой обидой в голосе заметила Серафина, – Божанси – город, как город!

– Да что же я буду здесь делать? Есть здесь, по крайней мере, хоть на что посмотреть?

– Посмотреть? И смешная же вы, барышня! Словно Божанси – не город, а ярмарочный балаган! Чего у нас смотреть? Ну, церковь есть... дом себе мэр выстроил, знатный дом! Мост каменный есть на Луаре – очень старый; отец Бенедикт говорил как-то, что его, мост этот, еще до Рождества Христова выстроили. Ну, а делать что? Господи, да что благородной барышне такого особенного делать? В церковь сходите помолиться, погуляйте – у нас под городом очень хорошо, а хотите – у нас лодка есть, вас работник покатает.

– Покатает! – презрительно фыркнула Беатриса. – Уж если я захочу покататься, то поеду сама! Однако помоги мне одеться поскорее, милая Серафина, и я спущусь посмотреть на своего старичка; быть может ты окажешься неправой в своем злопророчествовании, и мне удастся гораздо раньше вырваться из божансийского пленения!

II

Спустившись к Тибо, помещенному в небольшой комнатке нижнего этажа, Беатриса должна была убедиться, что Серафина была отчасти права. Как заверил Тибо, двух дней ему для отдыха, конечно, не понадобится, но и сегодня он тоже встать с кровати и отправиться в путь не мог. Старик чувствовал себя совершенно разбитым, день полного отдыха был ему совершенно необходим, и Беатрисе предстояло провести целые сутки в этой глухой провинциальной норе.

– Ах, Тибо, Тибо! – с капризным отчаянием воскликнула барышня. – И надо же было тебе расклеиться, когда я так стремлюсь скорее вперед, вперед! Не мог ты свалиться в Париже?

– Что же делать, мамзелечка, – слабым, голосом ответил старый Тибо, вынырнувший Беатрисе и души не чаявшей в ней, – говорил ведь я – «тише едешь, дальше будешь»! Вот и вышло по-моему!

– Да все бы ничего, – с досадой ответила девушка, – если бы только здесь не было так нестерпимо скучно! Целые сутки! Боже, чем их наполнить?

Не успела Беатриса договорить последнюю фразу, как на улице раздался быстрый лошадиный топот. Молодая девушка обернулась к окну, выходившему на улицу, и увидела, что к гостинице подъезжает какой-то всадник и уже осадил лошадь у ворот. Всадник был молод, красив; все, несмотря на нарочитую простоту одежды, изобличало в нем благородное происхождение, и Беатриса сейчас же подумала: «Гм... Если этот молодчик остановится здесь, то пожалуй, я... не очень проскужаю этот день!».

С этой мыслью девушка принялась разглядывать спешившегося всадника, к которому подскочил работник гостиницы, с поклоном принявший повод коня. Новоприбывший шел прямо к окну, у которого стояла Беатриса, умышленно вставшая как можно больше на виду. Однако юноша только скользнул рассеянным, невидящим взором по ее фигуре и ровно ничем не выдал, что его внимание хоть сколько-нибудь привлечено ею.

«Гм, ни малейшего впечатления, – подумала девица Перигор. – Но это, конечно, произошло лишь потому, что он не разглядел меня! Надо дать ему эту возможность!» – И с этим самоуверенным решением она, кинув Тибо несколько ободряющих слов, вышла из комнаты, двигаясь с таким расчетом, чтобы столкнуться с новоприбывшим при его входе в гостиницу.

Этот расчет Беатрисы вполне оправдался, однако не увенчался результатом. Столкнувшись с девушкой, юноша вежливо, но холодно прикоснулся к шляпе и отошел, уступая ей дорогу. Затем он продолжал говорить с хозяйкой, и Беатриса, медленно поднимавшаяся к себе наверх, слышала его вопросы:

– У вас есть комнаты, выходящие на реку?

– О, да, сударь: все три верхние смотрят на Луару!

– Сколько у вас комнат?

– Три наверху да две внизу.

– Сейчас постояльцы есть?

– Только барышня со слугой. Старик расхворался, и это задержало проезжую у нас.

– Кто она такая? Откуда?

– Кто же ее знает, ваша милость! А едет она с далекого юга.

– И больше нет никого? Значит, из пяти комнат заняты две и три свободны? Отлично, оставляю за собой все три!

– Но они в разных этажах!

– Это мне все равно. Я только хочу, чтобы была полная тишина, потому что я не спал две ночи и намерен выспаться до вечера. Так что потрудитесь не пускать на постой больше никого,

кто бы это ни был. Поняли? Затем скажите, не прошла ли сегодня утром снизу по направлению из Блуа весельная галера?

– Нет, ваша милость.

– Наверное? Да? Ну, так она скоро появится. Вот что: я умираю с голода, велите приготовить мне поесть и дайте вина, а тем временем пусть кто-нибудь из слуг следит за рекой и сейчас же даст мне знать, как только галера покажется!

С этими словами новоприбывший вошел в общую комнату, и Беатриса, прислушивавшаяся к разговору с верхней площадки, вернулась к себе в комнату. Здесь она уселась у окна, уставилась на реку и стала раздумывать о виденном и слышанном.

С детства отличаясь необыкновенной наблюдательностью, Беатриса всегда находила особое удовольствие в том, чтобы зорко подмечать все творившееся вокруг нее и делать быстрые, верные, порой неожиданные по меткости умозаключения. Наблюдение над всем окружающим, способность не упустить вокруг себя ни малейшего пустяка стали для Беатрисы с течением времени второй натурой, привычкой, которой она отдавалась совершенно произвольно. А теперь вдобавок было так скучно!

И вот, зорко поглядывая вправо, откуда могла показаться галера, упомянутая в разговоре незнакомца с хозяйкой, молодая девушка думала:

«В костюме этого юноши видна простота, не вяжущаяся с его гордым видом и манерами. Все указывает, что он старается скрыть свое высокое происхождение. Значит, он не хочет, чтобы на него обратили внимание, быть может, даже опасается, как бы его случайно не опознали. Значит, это действительно знатный и известный человек.

Почему ему понадобились все комнаты? Чтобы ему не мешали выспаться? Но если он не спал две ночи, то его не разбудит даже пушечный грохот. Затем, почему у него вырвалось одобрительное восклицание, когда он узнал, что единственная постоялица – барышня, едущая с далекого юга? Очевидно, потому, что он боится, не выслеживают ли его. Он ждет галеры, имеет какое-то дело к тому, кто едет на этой галере, и не хочет, чтобы это свидание стало известным.

Но какого рода это предстоящее свидание? Оно – не любовное, потому что в этом случае юноша забыл бы об усталости и голоде и не послал бы слуги следить за прибытием галеры, а сторожил бы сам. К тому же она должна прибыть теперь, а юноша собирается спать до вечера. Это наводит на размышление. По-видимому, свидание состоится под покровом ночи.

Нет, все говорит, что здесь – какая-то тайна и, по-видимому, – политическая. Политические тайны должны быть интереснее любовных, и проникнуть в одну из них не бесполезно для той, кто едет в центр всех тайн и интриг – Париж, собираясь выковать там себе кусочек судьбы. Во всяком случае эта история поможет мне убить время в этой скучной норе, а в лучшем – она может дать мне в руки кое-какие нити. А потому будем наблюдать!»

Прошло с полчаса, но в течение их ровно ничего не случилось. Вдруг девушка увидела корпус довольно большой баржи, быстро поднимавшейся вверх по реке. Это была двадцатичетырехвесельная галера, выкрашенная в светло-голубую краску и отделанная бронзовыми украшениями. На палубе виднелась каютная надстройка, окна которой были завешаны спущенными шелковыми голубыми занавесями, отливавшими золотом в лучах яркого полуденного солнца.

Дойдя до высоты города, галера повернула и вдвинулась в небольшой проток между левым берегом и небольшим, заросшим зеленью островком. Тут она бросила якорь, и длинные весла, взметнувшись в последний раз вверх, безжизненно поникли к воде.

В то же время на лестнице послышались быстрые шаги, дверь в соседнюю комнату отворилась, и голос Серафины произнес:

– Вот сюда пожалуйте, ваша милость!

– Хорошо, ступайте! – послышалось в ответ.

«Гм... – подумала Беатриса. – Почему этому юноше надо наблюдать за галерой из окна, когда проще было бы взять лодку и отправиться на судно?»

Девушка прилегла на подоконник и высунулась в окно, как только могла дальше. Поглядывая то на соседнее окно, то на галеру, она заметила, что из первого высунулась рука, взмахнувшая несколько раз в воздухе белым платком. В ответ на это одна из шелковых занавесок галеры слегка отодвинулась, и оттуда тоже махнули белым платком. Тогда в окне гостиницы показался голубой платок. Шелковая занавеска галеры снова раздвинулась, и из-за нее опять появилась рука с белым платком и стала производить ритмические, резко отделяемые интервалами движения. Очевидно, тут имело значение уже не помахивание, как в первый раз, а определенный счет взмахов. Беатриса сосчитала последние: их ровно девять! Вслед за этим занавеска снова задвинулась. Сосед Беатрисы отошел от окна, распахнул дверь и крикнул:

– Эй, есть тут кто-нибудь? Приготовьте мне постель и закройте ставни!

«Так! – подумала Беатриса. – Кое-что я уже понимаю. Платок из гостиницы означал: «Я – здесь!», платок с галеры: «Вижу!». Затем юноша собирается спать до вечера, а платок на галере махнул девять раз. Это должно означать: «Увидится в девять часов». Ну, а голубой платок? Он мог означать только: «Препятствия нет, путь свободен». Значит, свидание состоится в гостинице».

Одобрительно кивнув самой себе за сообразительность, Беатриса продолжала наблюдать. Но наблюдать было нечего; на галере не видно было ни малейших признаков жизни, а легкий храп в соседней комнате свидетельствовал, что таинственный юноша безмятежно отдался объятиям Морфея. Таким образом, оставалось ждать вечера.

Беатриса пообедала, навестила еще раз Тибо и с тоской задумалась, как убить остающееся время. Вдруг ей пришла в голову счастливая мысль. Расспросив, где именно находится хозяйская лодка, девушка спустилась к реке, прыгнула в утлый челнок и сильными, ловкими движениями весла направила его вверх по течению, придерживаясь правого берега. Затем, далеко опередив галеру, Беатриса пересекла реку, повернула лодку и пустила ее вниз по течению, бесшумно правя веслом так, чтобы челнок попал в проток между левым берегом и островком.

Медленно спускаясь по течению, лодка с девушкой без единого всплеска тихо прошла вдоль борта галеры. Но там по-прежнему не чувствовалось ни признака жизни. Только на носу сидели два матроса, шепотом разговаривавшие между собой, и, когда один из них вдруг начал смеяться, другой с испугом остановил его.

Таким образом, Беатриса ровно ничего не узнала. Но тем не менее она была довольна: прогулка по реке была очень приятна сама по себе, да и значительная часть времени была таким образом убита.

Уже начинало смеркаться, когда девушка вернулась в гостиницу. На пороге ее встретила Серафима, которая заботливо сказала:

– Слава Тебе, Господи, что вы вернулись, барышня! Вот бы никогда не поверила, что благородная девица так ловко справляется с лодкой, словно заправский рыбак. Только хорошо ведь все, что хорошо кончается! Смотрите-ка, какие тучи нашли! Того гляди, поднимется буря!

Дай Бог! – мысленно ответила Беатриса. – Чем темнее будет вечерок, тем лучше!»

– Не хотите ли покушать? – продолжала тем временем заботливая орлеанезка. – У меня курица жарится, а то можно моментально свежую рыбу зажарить или...

– Нет, что вы, милая Серафима, я еще не успела проголодаться, – ответила девушка.

– Ну так вам уже придется удовольствоваться холодным ужином в своей комнате, потому что молодой барин, приехавший утром, будет угощать приятеля и хочет поболтать с ним без помехи. С восьми часов мы больше никого не пустим в зал!

– О, я не прихотлива! – ответила Беатриса, у которой сердце забилося особым охотничьим трепетом. – Принесите мне в комнату холодного мяса, вина и каких-нибудь сладостей на десерт!

Девушка поднялась к себе и выжидательно уставилась взором в небо: действительно, с запада медленно напозала громадная, тяжелая туча и с каждой минутой мрак становился все гуще и гуще!

III

После того как на дальней церковной колокольне пробило восемь, Беатриса потушила огонь в своей комнате и уселась у открытого окна. Вдали на галере чуть светились огоньки; кругом царили мрак и полная, гнетущая тишина.

Но вот в соседней комнате послышались скрип кровати, протяжный зевок. Ряд дальнейших шорохов свидетельствовал, что сосед занялся туалетом. Затем послышался стук раскрываемых ставней, и снова воцарилось полное молчание.

Прошло немного времени, и вдруг Беатриса заметила, что в стороне, где стояла галера, один из огоньков пришел в движение, описывая крестообразные взмахи. Вслед затем сосед поспешно вышел из комнаты. Беатриса напрягла все свое зрение и вскоре заметила, что от гостиницы вниз по берегу Луары спускается какая-то блестящая точка; очевидно, таинственный сосед шел с фонарем навстречу своему гостю. Тогда, не раздумывая долго, Беатриса накинула на плечи темный дорожный плащ и тише мыши выскользнула из комнаты. Осторожно опустившись по лестнице, она шмыгнула к выходу и притаилась там в ожидании дальнейшего.

Вскоре на реке послышался тихий плеск весел, затем на откос к гостинице стали взбираться две светящиеся точки. Беатриса напрягла слух до последней возможности, и ей удалось уловить окончание фразы соседа:

– ... только какая-то девчонка. Вообще идеальнее ничего себе представить нельзя: полная изолированность – ни подслушать, ни подсмотреть! Да и некому.

– Вообще, милый мой, – ответил другой, довольно неприятный, слегка скрипучий голос, – по правде сказать, я совершенно не понимаю, к чему понадобилось окружать наше свидание такой таинственностью? Как видишь, я в точности подчинился, но...

Тут оба собеседника вошли в общую комнату гостиницы, и захлопнувшаяся за ними массивная дубовая дверь погасила остальные звуки.

Беатриса осторожно направилась вдоль фасада дома, стараясь найти такое место, откуда можно было бы хоть что-нибудь увидеть или услышать. Но из-за плотных ставней звуки совершенно не доносились, а в попавшуюся маленькую щелочку Беатриса могла лишь видеть, что собеседники примостились подальше у окон – почти у самого очага. На госте таинственного соседа была надета черная полумаска, перед собеседниками стояло несколько бутылок вина. С кислой улыбкой Беатриса должна была сознаться, что всего замеченного слишком мало и что обстоятельства складываются очень плохо для ее любопытства.

Вдруг девушку осенила блестящая мысль. Со всей быстротой, допускаемой необходимой осторожностью, она вошла в дом, поднялась с себе в комнату, тихонько пододвинула кресло к борovu, открыла отдушину и явственно услышала голос соседа:

– Всем этим и объясняется эта таинственность. Там ведь тоже принимают свои меры, и было бы рискованно без надлежащих предосторожностей подойти к такой важной политической тайне!

«Люблю политические тайны!» – подумала Беатриса и с полным комфортом откинулась на спинку кресла.

– Политическая тайна? – насмешливо переспросил скрипучий голос. – Но, поскольку я понял, дело касается самой обыкновенной любовной интриги, и моей возлюбленной супругой руководит, конечно, только чувство оскорбленной любви.

– Мне не трудно будет доказать вашему высочеству что это не совсем так! – последовало в ответ.

«Высочество? Это начинаете становиться интересным», – подумала прыткая девица Перигор.

– Ну, если и не совсем, то в значительной части. Во всяком случае, очень рад видеть тебя, милый мой Вард! Я провел скучнейшее время в этих разъездах по провинциям да крепостям, и мне так не хватало тебя и всего нашего милого кружка. Как ты поживаешь? По-видимому, ты совсем оправился? По правде сказать, я не чаял, что ты так легко отделаешься после схватки с этим гасконским проходимцем!

– О, полученная мной рана была мучительна, но не опасна. Во всяком случае с этим господином мы еще посчитаемся, – в голосе Барда послышалась непримиримая ненависть. – В данный момент он недосягаем, но я умею ждать!

– А, так этому авантюристу удалось укрепиться при дворе?

– О да! Ренэ Бретвиль, маркиз де Табр, герцог д'Арк находится там на положении привилегированной особы. Но, как рыцарь и защитник прекрасной Луизы, он падет вместе с остальными, когда завершится задуманное нами дело!

«Герцог д'Арк? Ренэ? – с восторгом повторила Беатриса. – Но это становится совсем интересным!»

– А это задуманное вами дело должно свершиться при моей помощи? – насмешливо спросил скрипучий голос. – Однако моя возлюбленная супруга считает меня окончательно идиотом. После всех тех оскорблений, которым я подвергся по ее милости, я должен теперь помогать ей сводить счеты с ее возлюбленным, давшим ей чистую отставку, и девчонкой, из-за которой все это произошло? Да какое мне дело до всего этого! Провалитесь вы все там в тартарары, перегрызите себе горло, а я буду жить и наслаждаться жизнью!

– Благоволите выслушать меня, монсеньор, и увидите, что вы не совсем правы. Я не буду отрицать, что всеми нами руководят личные мотивы. Ее высочество имеет счеты и с королем, и с туреннской пастушкой, которая слишком уж нагло повела свою игру. Графиня де Суассон не может забыть то время, когда она была Олимпией Манчини и питала надежду стать французской королевой. Ваш покорный слуга имеет свои счеты с герцогом Арком, которому так покровительствует король, предпочитающий сомнительный пришлый сброд коренному дворянству. Граф де Гиш... Ну, мотивы Гиша не совсем ясны нам, хотя он пожалуй самый неукротимый и непримиримый из нас. По всей вероятности, он ревнует Арка, вытеснившего его из сердца короля. Возможно, что наш присяжный сердцеед потерпел крушение у пастушки. Кроме того, будучи предан всей душой ее высочеству герцогине...

– Только ли душой, милый Вард? Я кое-что слышал. Впрочем, не все ли мне равно? Пусть, пусть утешает ее и утешается сам! С моей стороны препятствий нет, дорога свободна!

«Вот это я называю быть удобным мужем!» – не без иронии подумала Беатриса.

– Итак, – продолжал маркиз де Вард, – я не буду отрицать, что всеми нами руководят личные мотивы. И если вы, ваше высочество, примкнете к нам, то достаточные личные мотивы найдутся и у вас. Я не буду говорить о том, что его величество допустил герцога д'Арка в своем присутствии наговорить вам кучу дерзостей. В данном случае его величество выступил во всеоружии своего высокого сана, и, как с королем, вы с ним считаться не можете. Но ведь он – не только король, он – брат вашему высочеству.

«Э! Так вот ты кто!» – подумала Беатриса.

– И довольно плохой брат! – буркнул скрипучий голос.

– Поэтому, – продолжал Вард, – считаясь с ним, не как с королем, а только как с человеком, вы едва ли можете забыть, что... что...

– Что Людовик наставлял мне рога, не переставая мне же читать мораль! – невозмутимо прокрипел брат короля.

– Что касается Луизы де Лавальер, то едва ли вы, ваше высочество, пожелаете забыть, что эта девчонка разыгрывала перед вами воплощенную невинность. Она отвергла вас, метя на нечто большее, а вы обратите в прах ее высокомерные замыслы. Затем, каковы бы ни были ваши счеты с супругой, – это узко семейное дело вашего высочества, – и, блюдя принцип рода,

стоя на страже чести всей французской аристократии, вы не можете допустить, чтобы какая-нибудь провинциальная девчонка позволяла себе оскорблять вашу супругу. Оскорбляющий супругу принца оскорбляет самого принца!

– А ведь ты, ей-богу, прав, Вард! – произнес принц. – Твое здоровье!

Послышался звон бокалов. Затем Бард продолжал:

– Таким образом, ваше высочество, вы видите, что у всех нас найдутся достаточные личные мотивы. Но суть не в них. Удовлетворение желания свести личные счета придает задуманному делу в наших глазах некоторый пикантный оттенок, налет забавы, скрашивающий серьезный замысел. Личные мотивы – это перец в рагу. Он придает вкус, но не сытность. И теперь, доказав вашему высочеству, какой интерес в соучастии с нас имеете вы как человек, я перейду к изложению обстоятельств, которые должны заставить вас примкнуть к нам, как принца крови и первого после короля дворянина Франции.

– Ой, милый Вард, пожалуй это будет слишком скучно! – жалобно протянул принц. – Ты знаешь, я ведь мало интересуюсь политикой и начинаю засыпать самым непреодолимым образом, как только предо мной затают эту скучную канитель.

– Но это необходимо, потому что я вижу, что вы, ваше высочество еще не убеждены, – твердо ответил Вард. – Я постараюсь быть как можно немногословнее, а вы соблаговолите выслушать меня, потому что это крайне необходимо!

– Ну, говори Только покороче!

– Постараюсь – насколько возможно. Первое, на что я должен обратить внимание вашего высочества, это крайне опасное для всех нас направление ума и симпатий короля. Чем человек знатнее и ближе к королю, тем дальше король отстраняет его от себя и унижает. Родного брата король отравляет со скучным и трудным поручением, а какого-то проходимца, не представившего никаких документов, утверждает в высоком герцогском сане и сажает с собой за стол. Недавно произошел такой случай. Мольер, этот гаер, написал комедию, причем позволил себе в ней уже не просто увеселять общество, а высмеивать и поучать его. Он откровенно назвал ее «Жеманницы» и пересыпал самыми откровенными намеками, позволяющими угадывать в выводимых персонажах многих высоких особ, не исключая даже... супруги вашего высочества!

– Негодяй! – крикнул принц.

– Вернее – престо шут, – ледяным тоном возразил Вард, – дерзкий и наглый шут, больше ничего. Но его величество пригласил Мольера прочесть эту комедию, выслушал до конца, много смеялся, умышленно подчеркивал те места, которые и без того ясны в своих наглых выпадах, и в результате пожаловал коменданта высоким званием своего личного камердинера. Тогда остальные камердинеры запротестовали и открыто заявили, что они, родовитые дворяне, считают ниже своего достоинства оправлять королевскую постель вместе с каким-то шутом. Что же сделал его величество? Он освободил Мольера от камердинерства, но в один прекрасный день пригласил его к завтраку, прислуживать за которым заставил всех протестантов-камердинеров!

– Но это черт знает что такое! – крикнул принц, и в его голосе теперь уже не слышалось ни следа недавней скуки и вялости.

– То же самое можно сказать и о другой стороне королевской жизни. Представительницы древнейшей аристократии, самые знатные, красивые, умные и изящные дамы отстранены, а милость короля дарится какой-то провинциальной замухрышке. Недавно маркиза Курбетон имела несчастье попасть к королеве Марии Терезе в дурную минуту, и ее величество обошлась с ней очень резко. По обычаям двора маркиза имела право получить в утешение из сумм короля денежное вознаграждение. Однако король вычеркнул имя маркизы из представленного списка, заявив, что у него и так нет денег, но в тот же день он заказал для своей Лавальер умывальный прибор из чистого золота!

– Да что Курбетон, когда даже меня урезают самым бессовестным образом! – воскликнул принц.

– Ну, вот видите? А почему это происходит? Да потому, что от непосредственной близости короля отстранены все те, кто готов служить интересам королевской семьи и коренной придворной аристократии. Мы должны принять против этого свои меры. Все друзья короля, не принадлежащие к коренной аристократии, должны быть устранены всякими доступными нам мерами. Всякая возлюбленная, взятая не из нашей среды, должна уступить место такой, которая использует свою интимную близость к королю в нашу пользу. Тогда брат короля будет пользоваться тем уважением и влиянием, на которые он имеет несомненное право, тогда брат короля не будет лишь каким-то рассылным при своем августейшем брате, тогда брату короля не надо будет унижаться до займов у ростовщиков. Таким образом, теперь вы, ваше высочество, видите, что задуманное нами дело – не простая придворная интрига, продиктованная чувством ревности или мелкой злобы, а акт самообороны коренной придворной аристократии, ограждающей себя и королевскую семью – следовательно, также и ваше высочество – от опасности потерять всякое значение и быть униженными ради какого-то сброда!

– Да, это действительно серьезное и нужное дело, – задумчиво произнес королевский брат.

– Теперь другая сторона дела, – снова заговорил Вард. – Вашему высочеству известно, что благодаря родственным связям правителей обеих стран отношения Франции и Англии не оставляли желать ничего лучшего. Прошлые недоразумения забыты, интересы обоих государств пошли рука об руку. Еще недавно король Людовик вполне согласился с доводами английского короля, что возвышению Нидерландов должен быть положен конец. Воспользовавшись временным ослаблением Англии под влиянием длительных междоусобиц, Нидерланды, флот которых растет не по дням, а по часам, стали все больше грозить морскому и торговому могуществу Англии. Его величество еще недавно обсуждал план совместных с Англией действий, направленных против нидерландской республики. И вдруг он стал высказывать полное равнодушие к этому делу! Посланник Нидерландов опять в фаворе, все переговоры с Англией умышленно затягиваются. Мы не можем не ставить всего этого в зависимость от момента появления на первом плане д'Арка и Лавальер. Гасконский проходимец открыто дружит с нидерландским посланником, а последний всеми мерами лебезит перед Лавальер...

– Ну, эта сторона меня интересует меньше всего! – пренебрежительно возразил принц. – Война с Нидерландами нужна Англии, а не Франции, и я понимаю, что моя жена Генриетта, как пламенная англичанка, хлопочет тут изо всех сил. Но меня вся эта политика отнюдь не трогает!

– Мне не трудно было бы доказать, что вы, ваше высочество, ошибаетесь и в этом тоже. Прежде всего... Ах, да, чтобы не забыть! Помните ли вы, монсеньор, хорошенькую баронессу Дженни Финч?

– Которая приезжала в свите Генриетты? Господи, да как же мне забыть эту милую, веселую птичку!³ О, я тогда порядком увлекся этой кокетливой вертушкой, совсем уже начинал терять голову, но с одной стороны – Генриетта, а с другой – барон Финч... Словом – бедовую баронессу убрали обратно в Англию, а она ведь уже явно начинала сдаваться. Забыл ли я ее? Да разве таких забывают? Но почему ты вспомнил о ней, Вард?

– Я недавно был в Лондоне с поручением от ее высочества. Король Карл был высокомиловостив и пригласил меня поужинать запросто с ним вдвоем. Его величество – очаровательный собеседник и умеет держать себя так, что, с одной стороны, в нем не чувствуешь короля, а с другой – не забываешь, что он – король. Между прочим, английский король очень интересовался галантной жизнью французского двора, много расспрашивал меня и много рассказывал

³ Финч – по-английски птичка.

сам о забавных приключениях лондонской знати. В этих рассказах не последнее место заняло повествование о том, как Джонни Финч выследила мужа с леди Чэлт, накрыла парочку в очень рискованный момент и связала обоих ремнями в самой компрометирующей позе, после чего созвала гостей для обозрения «интересного скульптурного произведения, только что найденного при раскопках в Греции». В числе приглашенных был и старый лорд Чэлт...

Рассказ Варда был прерван взрывом скрипучего смеха принца.

Затем маркиз продолжал:

– В заключение Дженни публично заявила, что она не останется в долгу перед мужем и воздаст ему той же монетой, но с ростовщическими процентами. Конечно, чуть не весь цвет юной аристократии предложил баронессе себя в качестве орудия расплаты. Но пока что Дженни никого не удостоила. Она уверяет, что растерялась от богатого выбора и ни на ком не может остановиться. Когда король Карл рассказал мне все это, я заметил, что готовность лондонцев помочь баронессе меня не удивляет, так как Дженни Финч везде и всегда пользовалась головокружительным успехом. Мимоходом я упомянул, что и ваше высочество далеко не равнодушно к английской пташке. Король вспомнил, что сама Финч тоже проявляла несомненный интерес к герцогу Орлеанскому, и выразил готовность отправить ее ко двору герцогини в Париж.

– Господи, и это ты оставляешь на самый конец? – задыхающимся от волнения голосом произнес герцог. – И об этом-то ты упоминаешь как о чем-то побочном, несущественном? Вард! Я не узнаю тебя, твоей дружбы! И ты не сказал королю Карлу, чтобы он не медлил, чтобы он сейчас же исполнил свое благое намерение? Ну так это сделаю я сам. Я сейчас же напишу королю Карлу...

– Боюсь, что теперь из этого ничего не выйдет, монсеньор!

– Но... почему?

– Да потому, что король Карл уже высказывает недовольство Францией в нидерландском вопросе.

Он готов видеть в двусмысленном положении нашего правительства предательство, особенно непонятное после всех прежних переговоров и взаимных уверений. Если Англия начнет войну одна, то наступят такое охлаждение и даже натянутость отношений между парижским и лондонским дворами, при которых будет уже не до таких дружеских услуг. К тому же король Карл едва ли будет склонен оказать такую услугу разумеет от своей сестры, что вы, ваше высочество отказываетесь употребить свое влияние в пользу совместности выступления обеих стран, да и вообще настроены против...

– Но я ровно ни против чего не настроен и ни от чего не отказываюсь! – с досадой воскликнул герцог. – Ты меня не так понял, Вард. Я только сказал, что Англия заинтересована тут больше Франции, но это не значит, что я не хочу оказать содействие интересам короля Карла, которого я очень люблю и ценю...

– Ну, так извиняюсь, что я не так осветил слова вашего высочества! Значит, вы тоже согласны с нами, что на короля Людовика надо повлиять в этом отношении? Великолепно! Значит, вы стоите в своих интересах совершенно на одной плоскости с нами. У вас, так же, как и у нас, имеются свои личные счета, вы наравне с нами жаждете отстоять права высшей знати и, наконец, разделяете наш взгляд, на необходимость совместного выступления с Англией. Следовательно не только ничто не мешает, но, наоборот, все заставляет вас всецело примкнуть к нашему замыслу и посодействовать в первую голову устранению с пути проходимца-фаворита и выскочки-фаворитки.

– Друг мой, я, конечно, всецело ваш, да и, по правде сказать, ради одной возможности заполучить Дженни Финч уже готов пойти на все. Но не понимаю, чем я могу быть вам полезен в устранении Лавальер и д'Арка? Можно подумать, что ни яды не открыты, ни оружие не изобретено! Уж не готовите ли вы меня на роль наемного убийцы?

– Ваше высочество!

– Ну так будь добр высказаться яснее. Чего от меня ждут, чего от меня требуют и что мне предлагают?

– Ваша супруга, ее высочество герцогиня, предлагает вам взаимно забыть прошлое и объединиться с ней в честном и крепком, но строго политическом союзе, в котором каждая сторона – и вы, и ваша супруга – в отношении личной жизни будет пользоваться полной, бесконтрольной свободой при одном только условии соблюдения внешних приличий.

– Принимаю это предложение с радостью и искренней готовностью!

– Теперь далее. Мы не отказываемся в случае нужды прибегнуть к яду или кинжалу, но в данный момент это было бы и трудно, и рискованно, и бесполезно. Должен вам сказать, что эта Лавальер играет в очень большую и рискованную игру. Представьте себе, ваше высочество, его величество пока еще ровно ничего не добился у этой извращенной ломаки!

– Да что ты говоришь, Вард!

– Невероятную, но сущую истину.

– Но я никогда не предполагал, чтобы Людовик мог согласиться играть такую глупую, унижительную роль!

– Да, и из этого вы можете заключить, насколько велико и опасно для нас влияние Лавальер на короля! Играя в целомудрие и неприступность, Лавальер может довести нашего пылкого короля до такого состояния, когда он готов будет заплатить за обладание ею любую цену. А этой ценой будет полное отстранение от двора всех, кто не лебезит перед фавориткой, и полный захват власти последней. Устранить фаворитку до того, пока надежды короля не будут осуществлены, – значит возбудить в нем адскую бурю страстей. Даже если виновники устранения не будут обнаружены (а это может легко случиться), король все-таки не откажется от подозрений в отношении нас, тем более что как ее высочество герцогиня, так и графиня де Суассон не удержались от открытого и публичного проявления своих чувств по отношению к фаворитке, из-за чего у обеих высоких дам уже были столкновения с его величеством. Вы знаете короля, знаете, что он склонен считаться со своими подозрениями больше, чем с формальными уликами. Его величество всегда решителен, а в гневе уподобляется слепому, бьющему палкой по сторонам, не разбирая ни врагов, ни друзей. Что за толк устранить фаворитку и потерять даже последние остатки того, ради чего предпринято это устранение?

– Избави Бог! – с дрожью в голосе воскликнул герцог Орлеанский. – Да, теперь я понимаю, почему наше свидание должно было быть обставлено такой таинственностью! – Между тем, – все тем же деловым тоном продолжал Вард, – мы можем воспользоваться как раз тем, в чем теперь сила Лавальер. Нам известно, что король, обуреваемый страстью, несколько раз готов был сломить притворную стыдливость своей «пастушки», но каждый раз ей удавалось хитростью или сантиментальными уговорами уберечься от его домогательств. Если в один из таких моментов, когда расчеты короля только что потерпят крушение, его толкнуть в объятия другой женщины, то король не найдет в себе силы противостать соблазну. Но, отдав свою страсть другой, его величество в первый момент охладает к Лавальер, ее чары уже не будут так полновластно царить над его величеством. Мы же примем меры, чтобы охлаждение продлилось. Для этого мы воспользуемся известной вашему высочеству брезгливостью короля, не терпящего никаких уродств и недостатков кожи. Достаточно будет подsunуть белолицей пастушке особую мазь вместо туалетной, и ее лицо покроется прыщами. Пройдет неделя, пока прыщи сойдут. Тут король опять «случайно» встретит свою оболстительницу, ему непременно придет в голову, что сопротивление Лавальер делает ее скучной, и... Но если в тот момент, когда король выйдет из объятий красавицы, ему сообщат, что его недоступная «пастушка» умерла от болей в желудке, он не испытает особого горя, и со всей историей будет кончено навсегда. Тем временем поспеет война с Голландией, это отвлечет короля, опасность будет устранена

окончательно, и мы заживем в покое и удовольствии, а ваше высочество в объятиях Дженни Финч найдет достойную награду за хлопоты и беспокойство!

– Гм... Конец нравится мне в этой истории больше всего! – посмеиваясь, ответил герцог. – Но тут имеется один пункт, возбуждающей во мне сомнения. Ваш план очень хорош, однако он построен на том, что король не устоит перед соблазнительной красоткой, в объятия которой вы его толкнете. Но, друг мой, не забыли ли вы мудрого кулинарного рецепта: «Для приготовления вкусного паштета из зайца надо прежде всего... иметь зайца»?

– Мне приходилось слышать нечто другое в этом же роде, монсеньор. Народная мудрость утверждает, что искусство в том и заключается, чтобы приготовить вкусный паштет из зайца, не имея зайца! Но это неважно, потому что заяц у нас готов; все дело в том, чтобы суметь подать его величеству вкусный паштет в минуту острого голода. И вот для этой цели нам и нужна ваша помощь. Совершенно случайно ее высочество увидела при исключительных обстоятельствах, о которых сейчас не буду говорить, девушку редкой, классической красоты. Жанна Риколь, как ее зовут, была грязна и оборванна до ужаса. Кроме того, плохое питание и побои дружков самого низкого сорта сделали ее немного тощей. Но сложена эта Жанна изумительно, с нее можно лепить статую Венеры! Девочка попала в грязную историю: в минуту ссоры она пырнула дружка ножом и ей предстояла смертная казнь. Герцогиня взяла Жанну под свое покровительство, но предупредила, что только рабское повиновение, слепое исполнение ее приказаний избавит преступницу от кары. Девчонка страстно хочет жить и будет исполнительна, как выдрессированная собака. Теперь она живет за городом в строжайшей тайне. К Жанне приставлены опытная старуха, растирающая ее мазями для улучшения кожи, балетмейстер, обучающий ее танцам, и доктор, следящий за тем, чтобы девчонка пополнела, но не слишком. Ее высочество уверена, что Жанна Риколь после этих забот превратится в истинное чудо красоты. При этом нет опасности, что король увлечется ею без меры: больше двух недель его страсть не продержится. Таким образом, паштет готов, важно подать его вовремя. Ее высочество решила, что это сделаете вы. Вы припишете себе честь открытия красоты. Ее высочество надеется, что не далее как завтра вы напишете королю шутивное письмо, в котором выскажете радость вскоре повидать его и мимоходом сообщите, что вам удалось открыть истинное чудо. Это чудо вы везете в Париж и покажете при случае королю. Чтобы заинтересовать его величество, одной красоты мало – девчонка должна будет произвести свой эффект потом, теперь же его величество ведет себя истинным монахом. Потому ее высочество придумала устроить Жанне две родинки на груди в виде королевских лилий. Быть может, вы слышали, что в Париже жил восточный знахарь, который продавал особое средство для искусственного наведения родинок вместо наклейных мушек. Вот эти родинки в виде королевских лилий и будут тем чудом, которое заинтересует короля. Для того чтобы показать Жанну Риколь во всей красоте вы, ваше высочество, устройте...

– Довольно, довольно, милый Вард! – с отчаянием в голосе воскликнул герцог. – Я не могу слушать долее, у меня и без того кружится голова от этого истинно дьявольского плана! Ну-ну! Я всегда знал, что Генриетта создана для политических интриг, но не думал, что она настолько дьявольски изобретательна. Я сделаю все, что вы хотите, но только сейчас дай мне покой. К тому же я смертельно хочу спать. Когда же я приеду в Париж, вы сообщите мне все детали, какие нужно.

– Ну что же, самое главное я сказал, остальное придет в свое время, – согласился Вард. – Только одно еще: ее высочество прислала со мной проект письма к королю.

– Вот это превосходно! Ну-с, а теперь пойдем, проводи меня до реки. Ты когда едешь?

– Завтра. А когда надо ждать ваше высочество?

Последний вопрос прозвучал совсем еле слышно, так как собеседники, видимо, отдалялись от очага; ответа Беатриса и вовсе не слыхала.

Но это несколько не огорчило ее.

– Теперь можно и спать лечь! – пробормотала она. – Беатрисочка была умницей и вполне заслужила покой и отдых!

IV

Мы расстались с Луизой де Лавальер⁴ в тот момент, когда король открыто подчеркнул исключительное положение «туреннской пастушки», заставив Генриетту Английскую предложить «неудавшейся монашке» отдельные апартаменты с Полиной д'Артиньи в качестве компаньонки-подруги. Этим король сразу ставил Луизу в ранг признанной фаворитки, хотя, ради соблюдения внешнего декорума, Луиза и Полина все еще считались состоящими в штате фрейлин герцогини Орлеанской и при официальных случаях фигурировали наравне с остальными.

Каждый такой случай, когда Луизе приходилось отбывать дежурство при Генриетте, превращался для девушки в истинную Голгофу. С первого момента открытого признания Луизы фавориткой короля часть общества, вдохновляемая Генриеттой и графиней де Суассон, стала в открыто-враждебную позицию к «пастушке». Остальные, особенно женщины рангом пониже, на первых порах не показывали недоброжелательства, но так как при дворе не было ни одной мало-мальски молодой и привлекательной женщины, которая не мечтала бы о королевских объятиях и не считала бы себя наиболее достойной для роли фаворитки, то внутренне против Луизы было настроено подавляющее большинство. Будь Лавальер человеком другого покроя, усвой она себе мудрость пословицы «с волками жить – по-волчьи выть», покажи она зубы, – недоброжелательство так и не было бы проявлено наружу. Но Луиза была робка, застенчива, скромна, она не гордилась королевской дружбой, а стыдилась ее. Поэтому, когда заметили, что фаворитка не только сама не способна защищаться, но даже не решается искать защиты у короля, недоброжелательство стало проявляться совершенно открыто, и если мстительная итальянка, графиня де Суассон, позволяла себе очередную глумливую выходку против «неудавшейся монашки», то неизменно встречала благодарную аудиторию.

В конце концов безобидность Луизы притупила у большинства желание насмехаться над нею. Но тут распространилось сенсационное открытие, которое снова подняло целую бурю насмешек и глумлений.

Берта, камеристка Луизы, вертявая и до мозга костей испорченная парижанка, клятвенно заверила своих подруг, что между королем и Луизой ровнешенько ничего нет. Она, Берта, неоднократно пряталась в укромные уголки для наблюдения за королем и его подругой, но каждый раз видела только, что они проводят время так, как если бы были не влюбленными, а родным братом и сестрой.

От камеристок это известие дошло до фрейлин, от фрейлин – до статс-дам и самой герцогини Орлеанской. Берту вызвали и стали расспрашивать.

– Но что же они делают наедине? – задали удивленный вопрос любопытные.

– Сидят, читают, поют, говоря друг другу стишки, – ответила Берта. – Любимая поза короля – на подушке у ног барышни. Он сидит, положив голову к ней на колени, а она читает ему стихи или поет про пастушков да пастушек!

– Ах, пастушка! Ну и пастушка! Настоящая пастушка! Да она и в самом деле рождена для монастыря! – ахали в смеялись дамы.

Но на Генриетту и Олимпию де Суассон это известие произвело потрясающее впечатление. Обе они не придавали значения увлечению легкомысленного Людовика и предполагали, что любовный чад скоро рассеется в его сердце. Между тем дело оказывалось серьезнее. Обе они знали, что король – большой практик в делах любви и в этой области всецело придерживается принципа «соловья баснями не кормят». Если такой человек довольствуется платонической любовью, если он, пылкий и прозаичный, «сыт баснями», значит, чувство, внушенное ненавистной «пастушкой», глубоко и сильно. Под влиянием этого Генриетта и Олимпия, еще

⁴ См. роман того же автора «Шах королеве».

недавно непримиримые враги, теперь сблизилась и заключили тесный союз. Читатели, вероятно, помнят, что графиня не Суассон, рожденная Манчини, некогда оскорбленная в своих лучших надеждах связать короля-юношу чарами своего пышного тела, поставила своей задачей мешать ему во всех его любовных замыслах. Не имея ничего против Генриетты лично, Олимпия из ненависти к королю выслеживала юную герцогиню и натравляла на нее ее мужа, Филиппа Орлеанского. Теперь Генриетта получила чистую отставку, и ничто уже не лежало между обеими женщинами, наоборот – общность переживаемых чувств связала их. И они заключили тесный «оборонительный и наступательный» союз, причем Олимпия даже уступила из числа своих двух дружков одного – Армана де Гиша – Генриетте, довольствуясь Шарлем де Бардом.

Генриетта с Гишем и Олимпия с Бардом составляли тайный комитет, поставивший своей задачей разлучить короля с Луизой де Лавальер и жестоко проучить «коварную девчонку». Заодно было решено управиться также и с Ренэ д'Арком. Генриетта, совершенно забывая, какую услугу оказал ей этот юноша, считала, что он всем обязан ей, и была возмущена и оскорблена, когда герцог решительно и резко отказался вступить в заговор. Счеты остальных с Бретвилем известны читателю: Бард не мог простить позор поражения в поединке; Гиш злобствовал, что Ренэ вторично вытеснил его, Армана, из сердца короля; для ненависти Олимпии было достаточно, что д'Арка любил король. Но, конечно, в первую голову должна была пострадать Лавальер, и все планы «комитета четырех» были направлены против нее. В конце концов комитет разработал план, уже известный из прошлой главы, и решил привлечь в качестве пятого члена герцога Филиппа Орлеанского.

Кроме четырех, а потом пяти членов комитета к услугам заговорщиков было довольно много лиц, не посвященных во все планы и замыслы комитета, но содействовавших этим замыслам за плату – из корыстных побуждений или из пустого угодничества. Самыми важными сотрудниками считались Христина де ла Тур де Пен, кружившая голову Ренэ д'Арку и рассчитывавшая выскочить за него замуж, и Берта, получавшая щедрую мзду за шпионство.

Таким образом, Луиза де Лавальер была окружена врагами, недоброжелателями и шпионами со всех сторон. Она была страшно одинока и с горечью сознавала, что, кроме д'Артиньи, у нее нет ни одной подруги, как, кроме д'Арка, нет ни одного истинного друга. Впрочем, и Ренэ тоже был плохим утешением. Как ни привязан был он к всеми гонимой и обижаемой Лавальер, его слишком поглощала игра кокетливой Христины. Вообще, последняя причиняла много боли и огорчений Бретвилю. Она то опаляла юношу нежной лаской, то вдруг становилась холодной, высокомерной и нарочно возбуждала его ревность вольным обращением с другими мужчинами. Когда же Ренэ делал ей упреки, она высокомерно отвечала, что признает право контроля за женихом или мужем, но больше ни за кем. Ренэ не раз уже готов был выговорить слово, которого так ждала от него де ла Тур и которое дало бы ему право контроля, но каждый раз неясные сомнения удерживали его от решительного шага. Сколько раз Ренэ давал себе слово порвать с ветреной девицей, скинуть с себя ее чары, но призывная улыбка хитрой кокетки будила в пылом гасконце самые низменные, самые неукротимые инстинкты, и он опять, словно бабочка, летел на огонь. Однако, вернувшись после мучительного свидания, Ренэ снова давал себе зарок не видеться больше, в сотый раз внушал себе, что в нем даже нет любви к Христине, что его лишь обуревают самая низменная страсть. Но раздавался новый призыв, и все сомнения сейчас же забывалась.

От этой игры у Ренэ оставалось слишком мало времени для Луизы, и бедная фаворитка порой готова была биться головой о стену в минуты отчаянья. Выпады против фаворитки короля все учащались, нередко бывало, что Луиза убегала к себе в комнату вся в слезах, и около нее не было никого, кому она могла бы излить свое горе. Да, никому! У Полины, по видимому, было тоже что-то угнетавшее, и, поглощенная своим тайным горем, она была плохой поверенной для горя чужого.

А были моменты, когда Луизе становилось совершенно невмочь и когда, словно назло, Полина бывала особенно угнетена. В один из таких моментов мы и застаем вновь нашу героиню.

В этот день у герцогини Орлеанской был интимно-парадный завтрак в честь английского дворянина, приехавшего из Лондона с письмом короля Карла к сестре. Лавальер как раз была дежурной в этот день вместе с Шимероль. Не будь такого случая, последняя справилась бы с дежурством одна, но официальный характер обеда требовал присутствия обеих дежурных, а Луиза, не желавшая пользоваться в службе преимуществами своего особого положения, не хотела просить кого-нибудь заменить ее. И вот в этом-то и раскаивалась она теперь!

Церемониал требовал, чтобы на подобных полуофициальных торжествах шествие распределялось так: впереди шел церемониймейстер с жезлом, за ним – герцогиня с гостем, затем в последовательном порядке – камер-пажи, старшая статс-дама, две дежурные статс-дамы, дежурный камергер и две дежурные фрейлины. За фрейлинами шли приглашённые на завтрак или обед, потом более или менее интимные приятельницы герцогини, а в самом конце – свободные от дежурства фрейлины и прочие чины двора, имевшие раз навсегда приглашение украшать собой стол Генриетты.

В этот день Луиза немного запоздала, и шествие уже выравнивалось. Позади Шимероль шла единственная посторонняя гостья – старушка Версаль, представительница рода, традиционно служившего всем четырем ветвям герцогов Орлеанских.⁵ Версаль продвинулась слишком далеко вперед и стала почти рядом с Шимероль. Заметив такое нарушение этикета, Луиза поспешила вперед, вежливо отстранила Версаль и стала рядом с подругой.

Вдруг сзади послышался громкий голос графини де Суассон:

– Я всегда знала, что Лавальер хрома, но что она слепа как курица, до сих пор мне не было известно!

– А почему вы думаете, что она слепа? – спросила маркиза де Берси.

– Да чем же, как не слепотой, можно объяснить, что эта особа позволяет себе толкать и забегать вперед дам, несравненно более почтенных, чем она, и уж, во всяком случае, не скомпрометировавших себя распутством!

У Луизы вся кровь хлынула в голову слезы выступили на ее кротких глазах от этого оскорбления. Она беспомощно обернулась по сторонам, как бы отыскивая хоть единственное дружеское лицо, могущее заступиться за нее. Но вместо этого ей пришлось выслушать брошенный ей в упор ответ маркизы де Берси, обращенный к графине де Суассон:

– Она, вероятно, думает, что де Версаль превышает ее только количеством своих заслуг, тогда как специальные заслуги Лавальер важнее по качеству!

Тихий, но дружный смехок окружающих был ответом на эту новую гнусность.

Луиза побледнела как полотно, и, хотя церемониймейстер уже стукнул троекратно жезлом, оповещая о приближении герцогини и начале шествия, она, совершенно расстроенная, резко выступила из рядов и на глазах герцогини Орлеанской и ее гостя вышла, не поклонившись, из зала.

Придя к себе, она истерически разрыдалась; Полине удалось немного успокоить подругу, но затем ей надо было уйти по своему делу, и Луиза опять осталась наедине со своими невы-

⁵ Филипп, брат Людовика XIV, был родоначальником четвертой семьи Орлеанидов. После того как Филипп, пятый сын Филиппа Валуа, получил в апанаж (владение недвижимыми имуществами членов правящей в государстве семьи) герцогство Орлеанское и умер, не оставив потомства, этот апанаж вернулся в собственность короны. Вторично он был дан Людовику, брату Карла Шестого. С внуком Людовика Орлеанского, ставшим под именем Людовика XII французским королем, герцогство снова вернулось в собственность короны. После почти столетнего нахождения в собственности короны оно опять стало апанажем брата Людовика XIII – Гастона, со смертью которого перешло наконец (1660 г.) к четвертому и последнему родоначальнику Орлеанидов – Филиппу.

носимо-грустными мыслями. По мере того как день склонился к вечеру, Луизе становилось все тяжелее на душе.

Вдруг звук знакомых шагов заставил ее ожить и насторожиться. Вот скрипнула рукоятка двери, и на пороге комнаты обрисовалась высокая, стройная фигура короля.

– Возлюбленный Людовик! Обожаемый король мой! – с истерической радостью крикнула Луиза и, охватив обеими руками шею кинувшегося к ней короля, вдруг жалобно, по-детски заплакала.

– Луиза, дорогая, светлая моя, что с тобою? – встревожено спросил Людовик, усаживая девушку на кушетку и подсаживаясь к ней. – Тебя, наверное, опять кто-нибудь обидел? Ну, скажи мне, я навсегда отобью охоту у этих ведьм обижать мою незлобивую пастушку!

– Нет, ничего, – глотая слезы, ответила девушка, – просто мне взгрустнулось без тебя, божество мое!

– Неправда, Луиза, неправда! – горячо перебил ее король. – Ты опять берешься за старое и скрываешь от меня оскорбления, наносимые тебе! Ты не хочешь понять, что кротость обезоруживает волков и дикарей, но таких ведьм, как все эти аристократические негодяйки, только воодушевляет на новые мерзости! Однако мне это надоело! Так как причиной твоих слез обыкновенно бывает герцогиня Орлеанская, то я сейчас же отправлюсь к ней и потребую ее к ответу!

Король резко повернулся к дверям, но Луиза в испуге крикнула:

– Божество мое! Это не ее высочество!

– А! Так все-таки? Ну, так кто же? – спросил Людовик и, видя, что Луиза не отвечает, опять сделал движение в сторону дверей, говоря: – Что же, придется все-таки обратиться к Генриетте!

– Людовик! Возлюбленный мой! – ласково заговорила Луиза, подойдя к королю и положив ему руку на плечо. – Обещай своей маленькой Луизе, что ты не будешь поднимать историю, и я тебе все расскажу!

– Хорошо, хорошо! Говори! – нетерпеливо ответил Людовик, обнимая девушку и снова подводя ее к кушетке.

Луиза, при воспоминании об оскорблении вновь пережившая всю остроту испытанного ею позора, не могла сопротивляться больше и передала королю происшедшую в герцогском зале сцену.

– Какая низость, – крикнул он и с мрачным видом отошел к открытому окну.

– А, главное, понимаешь, возлюбленный мой, меня мучает, что, как бы я ни поступила, предлог для оскорбления найдется всегда. Если бы я не поспешила занять свое место, графиня, наверное, сказала бы, что я считаю себя вправе занимать место почетных гостей. Но что с тобою? – испуганно спросила она, заметив как вздулись жилы на висках короля, сверкающим взглядом смотревшего в парк.

– Ну погоди только у меня! крикнул Людовик и стремглав выбежал из комнаты.

Луиза подошла к окну и увидела, что по дорожке задумчиво идет Олимпия де Суассон. Смертельно испуганная Лавальер прижалась за гардиной и стала ждать, что будет.

Но вот показалась дышавшая гневом фигура короля. При виде его графиня сделала установленный реверанс, но Людовик, не обращая внимания на поклон, начал сразу и в сильно повышенном тоне:

– Слушайте! Что это за новые выходки по отношению к девушке, которая в тысячу раз лучше и чище, чем вы? Да как вы смеете! Или я уже не король в своем королевстве? Или Бастилия переполнена так, что там не найдется местечка для вас?

– Вы – король в своем королевстве, и в Бастилии хватит, вероятно, места для многих. Но я позволю себе поставить на вид вашему величеству, что не привыкла, чтобы на меня кричал кто бы то ни было, будь это сам король или хоть Папа Римский!

Всю эту фразу графиня произнесла ровным, спокойным голосом, не отрывая от Людовика поднятого в упор взгляда холодных глаз.

Король словно остолбенел от этой наглости. Несколько секунд прошло в томительном молчании; наконец Людовик заговорил, хотя и взбешенным, но значительно сдерживаемым голосом.

– Сегодня же чтобы вас не было при дворе!

Олимпия пожала плечами и ответила:

– По получении указа вашего величества об изгнании я немедленно уеду задержавшись только на несколько минут, чтобы проститься с ее величеством королевой-матерью, в распоряжении которой я состою, и чтобы объяснить ее величеству истинную причину постигшей меня немилости!

Опять прошло несколько секунд, во время которых Людовик безмолвно мерил огненным взглядом дерзкую итальянку. Потом он резко повернулся и ушел, не прибавив ни слова.

Олимпия повернулась, в свою очередь, и пошла дальше, словно ничего не случилось.

Вернувшись к Луизе, Людовик молча и мрачно зашагал по комнате.

– Эта змея знает, что матушка больна и что я не стану волновать ее величество! – раздраженно произнес он, останавливаясь и нервным движением оправляя кружевной воротник. Затем он снова заходил по комнате и вдруг буркнул через некоторое время: – И сказать, что ты хромаешь! Какая гнусная клевета! Правда, ты припадаешь немного на одну ногу, но это придает лишь особое очарование и грацию твоей бесконечно милой походке!

– Я знаю, божество мое, что ты готов обратить мне в похвалу даже мои недостатки! – ответила Луиза кротким, бесконечно мелодичным голосом. – Но успокойся, возлюбленный мой! Лучше присядь ко мне, и я почитаю тебе что-нибудь из наших любимых поэтов!

Людовик послушно подошел к кушетке, бросил на пол подушку, уселся у ног Луизы и положил свою голову к ней на колени.

Ласково погладив короля по голове, Лавальер взяла с ближайшего столика золотообрезный томик, раскрыла его и стала читать:

Под сенью твоих мирт, у вод ручья кристальных
С пастушкой пастушок вкушает сладость встреч.
На искристою сеть игры лучей прощальных
Взирая, Флоридор такую держит речь...

– Луиза! – дрожащим голосом спросил вдруг Людовик, прерывая ее чтение и с пламенем во взоре взглядывая на склонившуюся над ним девушку. – Луиза, почему... ты не хочешь подарить меня высшим счастьем?

– Людовик! – с кротким упреком произнесла Лавальер. – Ты обещал мне...

– И я держу свое обещание, ты видишь! Я ведь только спрашиваю: почему? Почему ты предпочитаешь эти муки, эти томления полному, разделенному счастью? Почему ты непременно хочешь, чтобы я горел, изнывал на огне изнуряющей меня страсти? Почему ты непременно хочешь прикрываться службой у герцогини и терпеть все эти подлые глумленья? Я увез бы тебя в Париж, целый дом был бы к твоим услугам, ни одна душа в мире не осмелилась бы кинуть на тебя косой взгляд. Но ты не хочешь. Почему?

– Возлюбленный мой, я уже столько раз отвечала тебе на эти вопросы! Разве не говорила я тебе, что ради твоего счастья, твоего покоя, даже ради одной минуты пережитого тобой восторга я с радостью пожертвовала бы спасением своей души и пошла бы на то, что считаю тяжким грехом. Но у меня есть мать, которая не переживет, если я изменю долгу девичьей чести, а ее счастьем я жертвовать не вправе! Нет, отгони от себя, божество мое, все эти мятеж-

ные, знойные думы и позволь мне отвлечь тебя от изнурительных бурь страстей в безмятежное лазурное царство пасторальной поэзии!

Луиза снова взялась за книгу и продолжала:

Взгляни, любовь моя, уж гаснет луч закатный
На бархатных крылах спешит с востока ночь,
И тихий ветерок...

– Нет, – воскликнул Людовик, вскакивая и снова прерывая чтение. – Все равно, пусть ты не хочешь быть совсем моей, но я не потерплю больше, чтобы ты и далее продолжала сидеть в этой змеиной клетке! Я сегодня же распоряжусь, чтобы тебе приготовили здесь совершенно отдельное помещение, а для того, чтобы ты не была так часто одна, надо найти для тебя кого-нибудь... только не из здешних. Ну, да мы там увидим! Нет, нет, не пытайся спорить и возражать, это ни к чему не приведет! Я так решил, и так будет. А теперь ты уж извини меня, Луизочка! Я взволнован, расстроен и совершенно не могу отдаваться поэзии!

С этими словами король ласково поцеловал Луизу в лоб и поспешно вышел из комнаты.

V

«Все к лучшему в этом лучшем из миров», – подумала Беатриса Перигор, вторично просыпаясь под гостеприимным кровом гостиницы «Золотой осел» в Божанси.

Действительно, если болезнь Тибо отдала молодую девушку от достижения, так сказать, географической цели ее путешествия, зато непредвиденная задержка в Божанси значительно облегчала ей достижение той затаенной цели, ради которой все это путешествие было предпринято. Ведь, отправляясь в этот путь, Беатриса даже не представляла себе, каким именно образом она возьмется за осуществление своих тайных надежд, и полагалась на свое пронырство да на благоприятный случай. И вдруг этот случай послал ей сразу знакомство с тайной интригой первейшей важности, с целым планом, который сам собой предопределял также и план ее действий. Таким образом, задержавшись на день, она выиграла по крайней мере месяц, если не больше.

Впрочем, счастье, очевидно, решило благоприятствовать юной героине по всей линии, потому что скоро выяснилось, что задержка на сутки ускорила ее путешествие по крайней мере на три дня. Из разговора Варда с хозяйкой гостиницы Беатриса узнала, что королевский двор проживает в Фонтенебло. Это привело девушку сначала в кислое настроение, особенно когда ей сказали, что Фонтенебло расположено приблизительно в двадцати лье от Парижа. Когда же ей объяснили, что летняя резиденция короля находится в этом расстоянии не минуя Париж, а не доезжая до него, Беатриса окончательно была готова благословлять свою задержку. Не заболел от переутомления Тибо и не остановился он здесь на лишние сутки, она легко могла бы проехать прямо в Париж, а затем принуждена была бы возвращаться оттуда обратно. Теперь это открытие сокращало для нее путь на двойное расстояние: Париж – Фонтенебло, то есть на сорок лье!

Вообще все складывалось очень хорошо. Старый Тибо совершенно отдохнул и оправился и был тем же прежним Тибо, который какой-нибудь год тому назад несея во весь опор на бешеном скакуне, чтобы разыскать герцога д'Арка и призвать его на помощь похищенной Тремулем Беатрисы. Лошади наших путешественников тоже отдохнули и отъелись на отборном божансийском овсе, и, таким образом, остаток путешествия превратился в приятную и легкую прогулку.

В Фонтенебло Беатриса прибыла в середине дня и, заняв номер в гостинице «Королевская лилия», сразу взялась за дела высшей важности. Первым делом была командировка слуги из гостиницы в королевский замок за Жаком Мароном, одним из слуг гардеробмейстера Луи, а вторым – заботы о своем туалете, которым и занялась девушка в ожидании Жака.

В то время дамский туалет требовал не меньше (если не больше только) хлопот, чем теперь. Особенно много времени отнимала голова, так как тогдашняя прическа зачастую представляла собой истинное архитектурное чудо, а лицо – даже самое юное и свежее – непременно требовало разрисовки. Правда, Беатриса, вообще отличавшаяся большой самостоятельностью мышления, не портила своих нежных щек красками и ограничивалась лишь тем, что слегка трогала черным карандашом нижние веки. Но от обязанности наклеивать на лицо мушки даже и она не чувствовала себя избавленной. А каждая мушка, наклеиваемая в соответствующее место, имела свой символический смысл, свое название и служила известным выразителем. Так, мушка, наклеенная около уха, называлась «жажду страсти», а в уголке рта – «люблю целоваться». Мушка, наклеенная на одну из губ, называлась «кокетка», на нос – «отчаянная», в середину подбородка – «не прочь от интрижки», на лоб – «величественная». Это были основные категории, но были также и переходные формы, а также целые комбинации.

Собственно говоря, если вспомнит читатель, уже сама природа весьма прозорливо заклеивала Беатрису естественной мушкой – родинкой, приходившейся на полудороге между

«не прочь от интрижки» и «люблю целоваться». Но одной было мало, а выбор места для другой представлял собой некоторые затруднения. Ожидая повидать в тот же день Ренэ Бретвиля, Беатриса по праву могла бы наклеить мушку около уха; если же принять во внимание особенности ее характера, то ей было бы вполне естественно украсить мушками и губу и нос. Но Беатриса отнюдь не желала пускаться с первого шага на какие бы то ни было признания и откровенности, а потому в конце концов склонилась в сторону неопределенности и торжественно приклеила мушку на середину щеки. В этот момент ей как раз доложили, что явился Жак Марон.

Это был сын старой домоправительницы Перигоров. Он с детства считал себя принадлежащим к их семье и был всей душой предан отцу Беатрисы, а ее саму любил до обожания. Еще бы! Разве мало было ему хлопот с капризной и своенравной девчуркой, умевшей чуть не с самого рождения заставлять весь дом плясать под ее дудку!

Лет десять тому назад Жак уехал в Париж и поступил к Жоржу Луи. Сметливый и расторопный малый, Марон устроился превосходно, но это не заставило его порвать связи с Перигорами, и время от времени Жак наезжал на родину в Тарб, чтобы повидать старуху-мать и «поклониться барину да барышне». Последний раз он был как раз во время отъезда в Париж герцога д'Арка, и в этот его приезд Беатриса осчастливила Марона важным и ответственным поручением.

– Ну вот видишь, Жак, – сказала Беатриса после первых приветствий и проявлений дикого восторга со стороны Марона, – я сдержала свое слово и приехала к вам. Я привезла тебе от твоей матери тысячу поклонов и поцелуев, а также целый тючок всякой снеди. Можешь взять посылку у Тибо. А теперь, не теряя времени, изволь докладывать, что ты сделал для меня.

– Да что же, барышня? Многим похвастать не могу! – ответил Марон. – Его светлость герцог Ренэ ведет себя так примерно, что второго такого здесь и не найдешь. Только уж очень он горд и, чуть что, сейчас берется за оружие. Но это он только со знатными господами, а с простым людом всегда добр и снисходителен...

– Постой, милый Жак, – перебила его Беатриса, – качества герцога мне известны, как тебе ведомо, лучше тебя. Точно так же я отнюдь не поручала тебе следить за нравственностью его светлости, нет, мне, как я тебе уже говорила, важно вообще знать все, что касается его, и в особенности то, чего он, может быть, даже сам не знает.

– Я все это отлично понимаю, барышня, да ведь раз человек хорошо себя ведет, так про него и сказать много нечего. Вот я к чему это упомянул. Вот если бы я должен был докладывать вам про графа де Гиша, ну, так тут в три недели всего не перескажешь. А герцог – что? По службе аккуратен, что солнышко, в церкви бывает каждый раз, с дурными людьми не водится, разных дебошей над горожанами не чинит, над горожанками не озорничает, а когда есть свободное время, так у себя сидит да книжки читает. Ничего такого интересного нет!

– Ты забываешь, что, не зная, для чего я поручила тебе следить за герцогом, ты не можешь судить, что – интересно и что – нет. Мне нужно знать все. Прежде всего скажи: как его сердечные дела?

– Плохо, барышня! Скрутила его светлость нестоящая девчонка. Хоть и знатная барышня, а хуже какой простой!

– Ну вот видишь! А ты говоришь – «ничего важного»! Как ее зовут?

– Христина де ла Тур де Пен!

– Ух! В полгода не выговоришь! Она хороша собой?

– Как на чей вкус! На мой – вертлява и мозглява. Уж простите, барышня, на деревенском слове, а только, как у нас говорится, ни кожи, ни рожи в этой барышне нет – одни ужимки!

– Герцог ее очень любит?

– Трудно со стороны сказать, а только кажется мне, что его светлость больше самое любовь любит, чем эту барышню! Молод он очень, ну, и один! Сердце своего просит, а настоящей вблизи не оказалось, Тут кто первая подошла и улыбнулась, та и царица.

– А она его любит?

– Да что вы, барышня! Мне доподлинно известно, что девица де ла Тур смеется над его светлостью, называет его дураком и пентюхом. Да где такой и оценить-то!

– Значит, она просто от скуки с ним забавляется?

– Нет, она его на себе женить хочет. Она – сирота и бедна, как церковная крыса.

– А как себя ведет эта Христина? Нет ли за ней чего-нибудь?

– Ведет она себя, барышня, скверно – со всяким мужчиной готова игру вести. Но только она никого до себя открыто не до пускает, и в прошлом году, когда ее захотел навестить не в урочное время королевский брат, герцог Филипп, она такой крик да шум подняла, что хоть святых вон выноси. Но только наш брат, слуга, прямо говорит, что это она из озорства да из расчета, а терять ей уж совершенно нечего. И хотя, наверное, никто про нее ничего сказать не смеет, а только кажется мне, что у нее нечисто дело с пажом герцогини Орлеанской – Филибертом Клери.

Беатриса достала записную книжечку, где уже не одна страница была посвящена заметкам, и вписала туда имя пажа. Затем она продолжала спрашивать:

– С кем дружит герцог?

– Так особенно ни с кем, барышня. Увиваются около него многие, потому – известное дело, в чести у короля, а настоящей дружбы как будто нет. Еще с моим хозяином, а вашим дядюшкой, они часто беседуют. Ну, с герцогом Сент-Эньяном они тоже довольно хороши. А так, чтобы особенно – нет.

– Ну-с, а как он с Луизой де Лавальер?

Жак кинул на Беатрису удивленный взгляд и с некоторой растерянностью произнес:

– Вы, барышня, уже знаете? Неужели до вас дошло? Да когда бы это успелось? Ну, с барышней Лавальер их светлость очень дружны и даже за нее шпагу обнажили, но только... Как бы это сказать? Ну... похоже, что герцог немного... не то, что брезгует, а... дескать, мол, «не подумай, что я через тебя чего-нибудь ищущу».

– Ну, еще бы! Ах, Бретвиль, Бретвиль! Там, где другой сразу выбился бы в люди, ты будешь вызывать из могил все семьдесят семь тысяч предков! Ну, а сама Лавальер? Какова она?

– Хороша и добра, как ангел! От барышни де ла Тур все горничные плачут, у барышни же Лавальер людям не житье, а чистый рай. Да только судьба несправедлива! У барышни Христины не горничная – золото, а все же ей плохо живется, у барышни же Луизы первая камеристка – не девка, а черт, и кажется мне, что Берта продает свою госпожу!

– Берта – вероятно, имя горничной? Но что значит «продает»?

– Да ведь это разве только король не видит, а так всякий из нас знает, что за барышней Лавальер охотятся герцогиня Орлеанская да графиня де Суассон.

– Это я уже знаю. Ну а так еще можешь ты сообщить мне что-нибудь?

– Не придумаю, барышня.

– Ну может, потом надумаешь, так скажешь. Во всяком случае – большое спасибо тебе, Жак. Я очень рассчитываю на тебя в будущем. Ты согласен помочь мне?

– И вы еще спрашиваете, барышня?

– Но порой мои поручения будут трудны и опасны, Жак!

– Даже если они будут стоять мне виселицы, для вас, барышня, я пойду на все!

– Я была уверена, что не ошибусь в тебе, Жак! Еще раз от души благодарю тебя. Теперь ступай и сообщи о моем приезде дяде и герцогу. Я хотела бы повидать их!

– Господин Луи теперь занят и освободится не ранее как через час или два, а герцог свободен. Но... не лучше ли будет, если его светлость не узнает о том, что я был первым у вас?

Мне ведь придется и впредь следить... Может, вы, барышня, напишете ему два слова, а я велю передать записку через другого лакея?

– Ты – умница, Жак! Подожди немного!

Беатриса написала записку и вручила ее Жаку.

Через полчаса в комнату быстрой, взволнованной походкой вбежал Ренэ Бретвиль.

– Беата, милая Беата! – радостно произнес он... – Вы здесь? Какой приятный сюрприз!

– Я тоже очень рада видеть вас, Ренэ... – начала молодая девушка, во вдруг запнулась и с комическим испугом отступила назад. – Впрочем что это я? Вы ведь теперь стали важным господином, и такая короткость со стороны захудалой провинциалки...

– Не надо говорить так, Беата, – серьезно и просто ответил Ренэ, подходя и целуя руку девушки. – Та неделя, которую мы провели вместе в Бретвиле под угрозой именуемой опасности, скрепила нашу дружбу крепкими узами...

– Друг мой, – перебила его Беата, – я очень рада, что вы остались для меня прежним Ренэ, но к чему вы спешите напомнить мне про свое благодеяние, которого я и так не забыла? Ну да оставим это! Так вот, раз уж вы допускаете, чтобы я, простая мешанка, пользовалась вашей светлейшей дружбой, то я хочу осуществить права друга в полной мере. Я не забыла, чем обязана вам, и нарочно приехала, чтобы быть в свою очередь полезной вам. И первым делом я начну с того, что отчитаю вас по всем статьям за ряд глупостей, которые вы наделали!

– Вы? Меня? – воскликнул Ренэ, невольно улыбаясь. – А вы – все прежняя, Беата!

– И не собираюсь меняться! Садитесь и держите отчет! Прежде всего, что за ерунду вы затеяли с Христиной де ла Тур де Пен?

У Ренэ вытянулось лицо, и от изумления он в первый момент потерял дар слова. Затем он спросил:

– Вы давно здесь, в Фонтенебло?

– Часа полтора-два!

– Но вы заезжали в Париж?

– Не имела ни малейшей охоты!

– Ну, так вы прожили некоторое время где-нибудь в окрестностях?

– Я ехала из Тарба не останавливаясь.

– Так, значит, вам сказал об этом мсье Луи?

– Я известила дядю о своем прибытии одновременно с вами.

– Но тогда я окончательно ничего не понимаю! Откуда вы знаете...

– Друг мой, если вы будете допытываться, откуда я что-нибудь знаю, то совершенно понапрасну потеряете массу времени и ничего не добьетесь. Удовольствуйтесь тем, что я знаю очень-очень многое – больше, чем вы. Скоро я вам докажу это, а как и откуда – пока я вам не скажу. Поэтому будьте добры ответить сначала на вопрос.

– Но я еще не слышал, в чем вопрос! Где именно глупость с моей стороны?

– Вы слишком серьезны, а эта самая Христина слишком бедна и расчетлива для простой любовной интрижки. Значит, здесь дело пахнет браком. Ну так глупость – в браке!

– Очень решительно, но совершенно не убедительно! Допустим, что вы правы. Но чем же Христина – не партия мне? Род де ла Туров насчитывал четырнадцать заprotoколенных официальной генеалогией предков, род де Пенов – двадцать три. Когда в лице Жозефа Амедее де ла Тура и Христины Марии Луизы де Пен оба рода соединились в один, то их генеалогическое дерево дало еще шестнадцать незапятнанных колен. Христина – последняя представительница рода, ее фамилия должна быть присоединена к фамилии мужа. Таким образом, мой старший сын будет именоваться Бретвиль-де ла Тур де Пен, маркиз де Тарб, герцог д'Арк...

– А если вы назовете его еще вдобавок как-нибудь подлиннее, например – Никополлеон Аполлинарий Афинодор-Хризостом Максимилиан Филиберт, то, пока ваш сын успеет назвать себя до конца, представляясь кому-нибудь, его собеседник умрет от разрыва сердца!

– Беата! Вы позволяете себе шутить с вещами, священными для нас, родовой аристократии! Но это понятно! У вас, мещан, нет традиций...

– Потихе, Ренэ, не увлекайтесь! И у мещан тоже имеются свои традиции. Кроме того, ко мне это относится меньше всего. Правда, мой дед откинул дворянскую частичку «де», но это не мешало ему быть по рождению дворянином, и если он утерял права, то ведь и ваш дед тоже не мог достать официальный патент на герцогский сан. Моя покойная мать тоже была дворянкой, бедной сиротой, но ведь это происхождения не портит! Так что, если поискать да передумать, то предки найдутся и у меня!

– О, если бы они у вас были! – вырвалось у Ренэ.

– Что тогда? – быстро опросила Беатриса, но, заметив, как спохватился Ренэ, сейчас же перешла опять на прежний шутиливый тон, продолжая: – Впрочем, это «если» меня несколько удивляет. Насколько мне известно, и я, и мои родители родились вполне естественным путем, а тут уж без предков дело не обойдется. Но дело сейчас не во мне. Итак, ваша Христина обеспечена хорошими приданым в виде трех с половиной дюжин добропорядочных предков. Великолепно! И этого одного для вас уже достаточно?

– Я вам о своей помолвке еще не объявлял, следовательно, обсуждать этот вопрос преждевременно. А относительно родовитости девицы де ла Тур я упомянул потому, что, как вы, может быть, знаете, традиции рода Бретвилей требуют, чтобы жена старшего в роде имела родословное древо не менее как из десяти неопороченных и ничем не запятнанных колен.

– Так-с. А эти традиции не требуют, чтобы старший в роде носил вместе с герцогской короной... рога?

– Беата!

– Не раздражайтесь, друг мой, не краснейте и заставьте свои прекрасные глаза вновь вернуться в свои орбиты! Христина де ла Тур де Пен уже теперь смеется над вами. Я докажу вам это; на то я – и друг вам, чтобы удерживать вас от бесповоротных глупостей!

– Когда вы докажете мне...

– Тогда вы поблагодарите меня, и тогда мы можем возобновить разговор на эту тему! А теперь дальше. Скажите, Ренэ, вам не стыдно играть такую глупую роль по отношению к Луизе до Лавальер?

Ренэ опять с изумлением взглянул на девушку, а затем спросил:

– Если вы так уж осведомлены... Но в чем же здесь глупость?

– Да в том, друг мой, что вы совершенно не хотите самым благородным образом использовать всю эту историю для своего возвышения! Я знаю, вы скажете, что не желаете быть обязанным женщине, основывающей свое влияние на расточаемых ласках. Но я отвечу вам, что Лавальер не торгует собой; она искренне любит короля...

– Беата, да откуда...

– Не перебивайте меня! Ну-с, что бы там ни было, само слово «король» освящает уже столь многое, что излишняя щепетильность просто смешна. А главное, я не узнаю своего рыцаря в вас, Ренэ! Бедная Лавальер затравлена, одинока. Ну да, вы скажете, что не раз обнажали за нее оружие? Еще бы вы этого не делали! Но вы должны были бы отнестись с большим внутренним сочувствием к этой кроткой, гонимой девушке. Вы не смели ограничиваться ее защитой в тех случаях, когда на несчастную нападали при вас, а должны были стать на ее охрану от тайных козней...

– Постойте, Беата, я не понимаю, какое в конце концов вам дело до всего этого?

– Самое простое. Вы спасли меня когда-то от Тремуля, я в благодарность спасу вас от самого себя, от вашей собственной неотесанности! Вы не заглядываете в будущее, друг мой! Правда, пока еще Лавальер ведет с королем пастушескую идилию...

– Как? Вы знаете даже это?

– Но это скоро кончится, и тогда Лавальер займет высокое положение, будет пользоваться громадной властью. Преследования, которым она подвергается, в конце концов ожесточат ее, и она будет беспощадно рассчитываться со всеми врагами. Ну а вы знаете – Писание говорит: «Кто не со мной, тот против меня»! И всей вашей карьере будет конец! А из-за чего? Если рассмотреть хорошенько, то из-за того, что вы не захотели послужить как следует своему королю, не захотели в должной мере быть полезным хорошей, обижаемой, имеющей все права на лучшую участь женщине и не ударили пальцем о палец для того, чтобы исполнить священный долг всякого человека, то есть помочь любящим сердцам соединиться в полном союзе. Словом, выходит, что вы ведете себя крайне сдержанно, воображая, что того требует ваша рыцарская честь, а выходит совсем наоборот! Ну, говорите! может быть, я не права?

– Не знаю, Беата. Мне кажется, вы правы, но сейчас я вам ничего не могу ответить. Я не в состоянии отделаться от чувства безграничного изумления перед вашей осведомленностью, источник которой кажется мне просто волшебным, совершенно необъяснимым, а потому в моей голове все мысли спутались!

– Ну, а когда они придут в порядок и вы согласитесь, что я права? Готовы ли вы будете помочь мне тогда?

– Помочь? В чем именно?

– Ну хотя бы в том, чтобы разбить ухищрения врагов Лавальер и избавить ее от громадной опасности!

– Позвольте, да вы знаете Лавальер?

– В глаза ее не видала, но надеюсь познакомиться в самом непродолжительном времени!

– Окончательно ничего не понимаю!

– И не надо! Ответьте мне на вопрос!

– Ну, конечно помогу! Но поговорим о вас, Беата. Что вы предполагаете делать здесь? где жить? Ведь помещение вашего дяди не приспособлено для двоих, а жить одной...

– Видите ли, в точности я еще не решила. Меня интересует жизнь большого света, но как мне подойти к ней? Будь я чистокровной мещанкой, из меня вышла бы отличная камеристка. Будь я бедной дворянкой, я поступила бы к знатной даме. Но я – ни то ни другое! Впрочем, кое-какие планы у меня уже имеются. А вот и дядя спешит! – воскликнула Беатриса, заглянув в окно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.